

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА КАЛИНИНА

научный сотрудник, Российский этнографический музей
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

kalinina.ol@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО КРАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена религиозной идентичности населения Печорского района Псковской области после Второй мировой войны (1945–1991). Целью исследования являются характеристика и анализ трансформации традиционного религиозного сознания, выраженного через конкретные православные практики. Объектом исследования является локальная общность, состоящая из русского и финно-угорского населения, находившаяся до 1940 года вне сферы влияния советской модели секуляризации. Автор приходит к выводам об устойчивости местной православной традиции, базировавшейся на деятельности Псково-Печерского монастыря и 14 никогда не закрывавшихся церквей, и существовании церковных практик с привнесенными идеологическими установками коммунистического режима. Внешним проявлением изменений, происходящих в общественном сознании, являлись сравнительная редкость и нерегулярность посещения храма и частичная редукция религиозных практик. Религия являлась одним из основных маркеров локальной идентичности местных жителей, четко отличавших себя от приезжих атеистов в советский период.

Ключевые слова: религиозная идентичность, Печорский район, православие, Псково-Печерский монастырь, церковно-приходская жизнь, атеистическая пропаганда

Религиозность в советском обществе – тема в настоящее время актуальная, представляющая интерес для специалистов различных областей. Предметом данного исследования является религиозная идентичность населения Псково-Печорского края в 1945–1991 годах. На примере локального сообщества, проживающего на пограничной территории, неоднократно менявшей в течение XX века свой административно-политический статус, рассматриваются константы и изменения религиозного сознания в условиях атеистической пропаганды после Второй мировой войны. Объектом исследования является все население региона, которое выступает в качестве этнолокальной общности, существующей в едином культурно-бытовом пространстве [7: 103]. Религиозная идентичность понимается как форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании своей принадлежности к определенной религии, формирующей представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм и вырабатывающей определенные практики [5: 223], [14: 17], [15]. Источниковой базой исследования являются устные нарративы местных жителей, собранные автором во время этнографических экспедиций 2007–2016 годов (около 120 интервью), а также материалы архивов (ГАПО и ГАНИПО)¹. В качестве информантов были опрошены различные группы населения: жители г. Печоры, деревень и хуторов; коренное население и «приезжие», русские и сету², представители разного поло-возрастного состава. Самым старшим информантам являлась

женщина 1921 года рождения, самыми молодыми – школьники 7–12 лет. Для раскрытия темы религиозной идентичности применялся метод «глубинного» неструктурированного интервью, а также «включенное наблюдение» во время религиозных действий, праздников, поминальных практик. Вопросы разрабатывались с учетом результатов современных антропологических и этнологических исследований в области религиозной культуры в России [2], [4], [9], [10], [11]; в качестве образца готового опросника была использована программа сбора полевого материала «Православие и русская народная культура» [3]. Тема раскрывается через личные переживания, рефлексии и эмоции информантов.

Современный Печорский район Псковской области – это бывшая западная окраина Псковской губернии, находившаяся в 1920–1940-х годах в составе независимой Эстонской Республики (Печорский уезд, Петсеримаа); краткий период нахождения в составе Эстонской ССР (1940) сменился немецким оккупационным периодом (1941–1944). В 1945 году был образован Печорский район в составе Псковской области. Перечисленным вехам локальной истории соответствует и местная устоявшаяся хронология XX века: «эстонское время», «немецкое время», «советское время». Устойчивая и непрерывная церковная традиция является отличительной чертой культуры населения Печорского района. «Здесь без Церкви не жили просто-напросто» (А. Н. К., русская, Печоры, 1958 г. р.). Жители регионов, находившихся до 1939 и 1940 годов вне состава

СССР, являлись носителями религиозной (очень разной в силу исторических обстоятельств) традиции. В Псково-Печорском крае значение и роль Православной церкви были очень велики. Этот факт объясняется активной миссионерской позицией Псково-Печерского Свято-Успенского мужского монастыря, основанного в конце XV века на границе Московии и земель Ливонского ордена, а также деятельностью никогда не закрывавшихся православных приходских храмов. Большинство населения края (русские и сету) было воспитано в традициях православия. Для лютеранского меньшинства (эстонцы, латыши) в «эстонский период» были построены лютеранские церкви в Печорах (1926) и д. Лавры (1921–1922) [12: 256].

После вхождения Печорского края в состав Псковской области в представлении местного населения продолжала существовать незримая граница между «советской Россией» или просто «Россией», которая начиналась за д. Тешевицы и своим «печорским» миром, тяготевшим к ментальной культуре южной Эстонии. Это представление было очень устойчивым и сохранялось весь период существования СССР. «Когда с России приезжали русские, всегда местные русские не любили российских русских. У них мышление другое о жизни» (Л. М. Л., сету, Печоры, 1937 г. р.). Среди черт, отличающих приезжих от местных, информанты в первую очередь отмечали атеизм, религиозное невежество – не умеют вести себя в храме, не носят нательный крест, не молятся. Со своей стороны жители других районов Псковской области – носители советской идеологии – с недоверием относились к печорянам. «Не езди в Печоры, там попы ходят по дорогам, забирают сразу к себе в монастырь, и жизни там тебе не будет» (Е. В. Д., русская, Печоры, 1963 г. р.).

Во второй половине XX века на территории Печорского района было самое большое число функционировавших православных приходов Псковской области. Действовало 14 церквей в следующих деревнях: Кулье, Лисье, Тайлово, Залесье, Малы, Печки, Сенно, Паниковичи, Лавры, Даличино (Юшково), две в Старом Изборске и две в г. Печоры³. Согласно статистике 1978 года, всего в области было 86 действующих церквей, из них в Пскове – 4, в Псковском и Порховском районах – по 9, в Дновском и Палкинском – по 5, в Гдовском и Плюсском – по 4; в остальных районах функционировало не более 1–3 церквей в каждом⁴. Продолжал свою деятельность Псково-Печерский монастырь. Следует отметить, что никогда не закрывалась и лютеранская церковь Святого Петра (единственный лютеранский храм, действовавший в советский период в Псковской области).

Ритм жизни местного православного населения определялся церковным календарем с его периодами постов и мясоедов, двунадесятых и престольных праздников, днями поминовения усопших с обязательным посещением кладбищ

и т. д. Храмы, помимо своих непосредственных пастырских и духовных обязанностей, выполняли важные социальные функции, являлись неотъемлемой составляющей культурного ландшафта. В «эстонский» и «немецкий» периоды устоявшиеся локальные религиозные практики не претерпели коренных изменений. Автономная православная церковь Эстонии, провозглашенная в 1920 году, в 1923 году подчинилась Константинопольскому патриархату, в ведении которого официально находились православные приходы Печорского уезда – 32 тыс. русских прихожан и 15 тыс. сету [1: 90]. Религиозное воспитание осуществлялось на уровне семьи, школы и приходского храма. Политика интеграции печорского населения в культурную среду Эстонии на уровне Церкви выражалась в усиленном внимании к вопросу языка богослужений: произошло разделение приходов по языковому принципу, введены богослужения на эстонском языке для сету. В «немецкий» период власти не интересовались местными религиозными практиками, требуя в целом от Церкви лояльности и идеологической поддержки⁵.

После взятия Печор советскими войсками в августе 1944 года и перехода Печорского края из состава Эстонии в РСФСР был взят официальный курс на советизацию населения. Однако переход от традиционных мировоззренческих установок к идеалам коммунистического общества, в котором религии отводилось место ненужного атавизма, не был резким. «Преодолеть церковное наследие прошлого за короткий срок не представляется возможным» – указано в отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви в Псковской области за 1970 год⁶. В информационных отчетах о религиозности в области за 1945–1960 годы печорское духовенство характеризуется как влиятельная и авторитетная для местного населения группа людей, а церковно-приходская жизнь в целом как активная⁷. В первые послевоенные годы церковные праздники отмечались с размахом, сопровождались крестными ходами, молебнами в домах и на улицах. На храмовый праздник Псково-Печерского монастыря Успение Божьей Матери в 1948 году собралось около 15 тыс. человек⁸.

Общая ситуация потепления церковно-государственных отношений в СССР в последние годы ВОВ и послевоенный период позволяла сохранять местную приходскую жизнь без резких изменений. Политика жесткого контроля и ограничения деятельности касалась в основном не рядовых прихожан, а священно- и церковнослужителей. Старшее поколение (1920–1930-х годов рождения) не вспоминает никаких репрессий по отношению к себе, связанных с посещением церкви.

Мне никто в церковь не запрещалходить (М. П., сету, д. Соколово, 1921 г. р.). Все равно, как родители, дедушки-бабушки говорили, мы делали. А это пофиг было. Традиция есть традиция. Спокойно – не спокойно,

ноходить в церковь – ходили. Уж как-нибудь (Л. М. Л., сету, 1937 г. р.; В. П. Л., русский, 1934 г. р., Печоры).

Конец 1950-х годов в СССР ознаменовался новым этапом борьбы с религией. На XXII съезде КПСС (октябрь 1961 года) Н. С. Хрущевым была провозглашена возможность построения коммунизма в обозримом будущем. Согласно разработанной в 1961 году «Инструкции по применению законодательства о культурах», на местах начала осуществляться политика ограничений и запретов, непосредственно касавшихся прихожан: введен квитационный учет исполнения треб с обязательной фиксацией паспортных данных верующих, запрет на исполнение треб на дому кроме отдельных исключений, запрет на организованные паломничества к святым местам и др. [8: 322–333], [13: 359–383]. В Печорах был запрещен знаменитый Успенский крестный ход вокруг стен монастыря (восстановлен в 1990 году). Одной из знаковых вех борьбы государства с церковью этого периода являлась попытка ограничения колокольного звона в 1961–1962 годах.

Колокольный звон как феномен христианской культуры, многозначный символ, источник сакрального звука, во все времена являлся сильнейшим средством воздействия на людей. В советском законодательстве о культурах он прямо не указывался в качестве инструмента религиозной пропаганды, и запрещение должно было происходить по хорошо разработанной схеме согласно формулировке: «если это вызывается необходимостью и поддерживается населением» [13: 373]. Соответственно в тех районах СССР, где еще оставались действующие храмы, стали проходить собрания для обсуждения вопроса о вредном воздействии колокольного звона на советских граждан. Их итогом должны были стать ходатайства местных исполнительных комитетов Советов народных депутатов перед областными комитетами, которые, в свою очередь, возбуждали ходатайства о запрете колокольного звона перед Советом министров СССР. В деле о прекращении колокольного звона в Псково-Печерском монастыре и церквях города подшиты протоколы общих собраний сотрудников школы-интерната, детских садов, отделения сбербанка, пожарной части, хлебоприемного пункта, городской больницы, трикотажной фабрики, хлебокомбината и др.⁹ Суть большинства выступлений сводится к констатации неуместности колокольного звона в коммунистическом обществе. В качестве доводов были произнесены казенные фразы, которых требовала сложившаяся ситуация: звон мешает культурному отдыху трудящихся, затрудняет работу педагогов и врачей, верующие могут молиться без звона и т. д. Те же самые доводы повсеместно произносились на подобных собраниях во всех населенных пунктах СССР, где еще сохранились действующие церкви и монастыри, например в Архангельской области [6]. Встре-

чаются и вовсе курьезные заявления «...такой звон у нас до настоящего времени напоминает период 5 века до н. э.»¹⁰ Среди заявлений следует отметить те, что сделаны людьми пришлыми, приехавшими в Печоры:

В первые дни жизни моей в Печорах меня очень угнетал колокольный звон¹¹. Я удивился, когда прибыл в город Печоры, что до сих пор еще в полную силу здесь работают церкви и имеется монастырь... Проводятся религиозные обряды, как крещение, венчание, а также много рабочего времени отнимают служители церкви у колхозников и рабочих в связи с всевозможными религиозными праздниками¹².

Примечательно, что печоряне далеко не всегда голосовали единодушно за прекращение колокольного звона. Как правило, в каждом коллективе (кроме педагогических и военных) находилось несколько человек, воздержавшихся или проголосовавших против; выкрикивали с места «есть закон, так запрещайте звон, а он нас не беспокоит»¹³. В редакции газеты «Печорская правда» 24 человека высказалось за и 3 – против; 42 служащих Печорского горсовета, горкомхоза и дома управления проголосовали за, а 8 – против; более всех проявили строптивость работники трикотажной фабрики – из 510 присутствовавших 25 проголосовало против и 16 воздержалось. Это неудивительно, учитывая преобладающий женский состав коллектива фабрики и тот общеизвестный факт, что женщины составляют подавляющее большинство прихожан в церкви. «Ну, мужчины, сколько я помню, почти не ходили. Ходили все-таки женщины. А мужчины – это редкость» (В. И. С., русская 1963 г. р., д. Залесье). Решением исполкома Печорского городского Совета от 5 марта 1962 года было постановлено удовлетворить просьбы трудающихся и просить исполкомом Псковской области возбудить ходатайство о запрещении колокольного звона¹⁴. Об этом свидетельствует архивный документ, но на деле колокольный звон сохранился. По всей видимости, специального решения Псковского облисполкома по этому вопросу так и не было принято. В 1960-х годах Псково-Печерский монастырь получил широкую известность у международной общественности, к которой мог апеллировать наместник монастыря архимандрит Алипий (Воронов), ветеран ВОВ, неоднократно заявлявший о готовности братии защищать монастырь с оружием в руках. Современные воспоминания печорян об эпизоде с запретом колокольного звона достаточно смутные: «ну что-то там было такое». По устному свидетельству В. С. Я. (1932 г. р.), занимавшей в те годы должность председателя районной плановой комиссии, в райисполкоме также было проведено собрание, на котором все присутствующие поддержали авторитетное мнение одного из выступавших: «А мне колокольный звон не мешает!» Колоколь-

ный звон являлся привычным аудиальным фоном для местных жителей.

Я здесь родилась на Псковской улице, вставала и укладывалась спать под звон колоколов (Е. В. Ц., русская, 1965 г. р., Печоры); И вот эта пасхальная неделя, мы уже настолько привыкли, что даже не замечали, что эту всю неделю трезвонили колокола (В. И. С., русская, 1965 г. р., д. Залесье).

Хранителями местной религиозной традиции выступали старики – представители «эстонского поколения» и старше. Именно они составляли основную массу прихожан в церквях советского периода. При ответах на вопросы о том, как проекал день престольного праздника, информанты, как правило, упоминают бабушек и дедушек, уходивших утром этого дня в церковь. Женщины среднего возраста оставались дома и были заняты приготовлением праздничного стола. Мужчины среднего возраста на церковные службы практически не ходили: «*Мужья, отцы – коммунисты/партийные все*» (Н. А., русская, 1958 г. р., д. Рассолово). Воспитанные родителями в традициях досоветской эпохи, представители поколения 1940–1950-х годов жили и работали в соответствии с государственными идеологическими установками. Люди вступали в Коммунистическую партию для комфортного существования и карьерного роста, однако этот факт не входил в противоречие с их религиозными убеждениями. Естественно, церковь, отделенная от государства, отошла для них на второй план, а религиозные практики осуществлялись не столь часто, как прежде.

Родители в церковь тоже не часто ходили. Когда работали, ходить тоже было некогда. А вот когда на пенсию, наверное, тогда больше появилось времени, тогда стали ходить (В. И. С., русская, 1963 г. р., д. Залесье).

Не ходили в церковь убежденные коммунисты (как правило «пришлые»), а также местные, занимавшие высокие статусные посты (чиновники, милиционеры, педагоги), – опасались общественного осуждения и каких-либо санкций со стороны профсоюза, партийной организации и т. д. Вне церкви должна была воспитываться молодежь. «*Так мы же уже другое поколение, когда нам вообще нельзя было даже в церковьходить. Нас вот так вот отбили от церкви*» (В. И. С., 1963 г. р.). На школу возлагалась обязанность формирования антирелигиозного мышления у подрастающего поколения. Каждый учитель был обязан «вводить атеистический элемент» в канву своего урока. «*И в школе нам все время говорили, что в церковь идут только неграмотные люди*» (Л. К., наполовину русская, наполовину сету, 1956 г. р., Печоры). В обязанность педагогов входили обязательный инструктаж о запрете посещения учениками храмов во время религиозных праздников (Пасха, Успение Богородицы в монастыре) и осуществление контроля за его выполнением.

Родителей, бравших детей с собой на всенощную, ожидал выговор на работе. Однако, как правило, «контролеры», сами воспитанные в местной традиции («*И как-то учителя у нас были в основном тоже местные*» – Е. В. Д., русская 1963 г. р., Печоры), смотрели на происходящее сквозь пальцы. Информанты, бывшие в рассматриваемый период учениками, вспоминают о процедуре выговора присутствовавших на литургии учеников классными руководителями, как об обязательной формальности. В большей степени описываемая ситуация касается жителей крупных населенных пунктов (Печоры, Новый Изборск, Изборск). В сельской глубинке надзор со стороны советской общественности был не столь строг или его не было вовсе. Наряду с общественным воспитанием продолжало существовать и домашнее. Во многих домах висели иконы, хранилась литература религиозного содержания.

В сложившейся мировоззренческой картине населения Псково-Печорского края крещение и отпевание являлись логичными началом и концом мирской жизни каждого человека. Детей крестили за закрытыми дверями храмов или на дому, нередко в отсутствие главы семьи, который мог высказаться против. «*Все делалось, но делалось втихаря*» (Н. В. Р., русский, 1947 г. р., Печоры). Как правило, инициаторами крещения выступали бабушки и матери. Они же прививали детям начатки религиозного воспитания: рассказывали библейские истории, многих водили в храм до семи лет, учили молитве. Важную роль в воспитании детей играли крестные – по традиции ими становились братья и сестры родителей. Примечательно, что даже в случае отсутствия крещения и проведения торжественной регистрации новорожденного в соответствии с советской обрядностью так называемые почетные родители, в обязанности которых вменялось помогать вырастить из ребенка честного гражданина и патриота, в семье именовались крестными (Е. В. Ц., русская, 1965 г. р., Печоры).

После перехода в статус «школьник» ребенок попадал в активную сферу общественного воспитания. Родители занимали позицию молчаливого несогласия или нейтралитета в отношении господствовавшей идеологии. Были и семьи, в которых родители 1920–1930-х годов рождения запрещали своим детям вступать в пионерскую/комсомольскую организацию. По воспоминаниям печорян 1950–1960-х годов рождения, даже в период их учебы в школе были некоторые ребята, не участвовавшие в пионерском движении. Помимо коренных жителей района, это могли быть и дети из приезжих семей. Печоры, как город при действующем монастыре, всегда воспринимался местом, обладающим особой святостью: и в советскую эпоху под стенами монастырской крепости селились православные верующие, приезжавшие из самых разных уголков страны.

Со слов печорянки Л. К., 1956 г. р., в ее классе училась девочка из такой приезжей набожной семьи – в школе она носила длинное платье, а на улице – платок. Местные мальчишки дразнили ее богомолкой.

В последний путь печорян провожали также в церкви. Жительница д. Залесье вспоминает, как сильно поразили ее гражданские похороны учительницы литературы: «*А было удивительно, потому что больше никого не помню, чтобы так хоронили, мимо церкви*» (В. И. С., русская, 1963 г. р.).

Таинства причащения (евхаристия) и исповеди (покаяния) в народной церковной практике, сложившейся к начале XX века в России, совершились не реже одного раза в год [2: 243], [4]. Эта традиция продолжала существовать в Псково-Печорском kraе во второй половине XX века. Как правило, старшее поколение ходило на исповедь и причастие по церковным праздникам (Пасха, Троица, престольный праздник), в день именин, перед важным событием в жизни. Детей водили на причастие до семи лет:

Свекровь водила сыновей до семи лет в церковь, они исповедовались, причащались. До семи лет она имела право ими распоряжаться как угодно. В семь лет они пошли в школу, все, ходить туда нельзя (Е. В. Д., русская, 1963 г. р., Печоры).

Информанты д. Залесье рассказывают о традиции причащения детей в последний день летних каникул, 31 августа.

Устоявшиеся религиозные практики продолжали существовать во многих семьях в редуцированном виде: например, Великий пост не соблюдался, но все члены семьи ничего не ели в субботу перед Пасхой (А. Н. К., русская, 1958 г. р., Печоры), заходили в храм по праздникам, но всю службу не стояли. Приезжая на сельские кладбища в дни поминовения усопших, обязательно посещали храм. Из информационного отчета Уполномоченного по делам религии Псковской области за 1970 год:

...обстановка остается все еще сложной, и влияние, оказываемое религией на некоторые слои населения, весьма ощутимо. Значительная часть населения все еще отправляет религиозные обряды, посещает молитвенные собрания, соблюдает и празднует церковные праздники, оказывает финансовую поддержку церкви¹⁵.

Родители, воспитанные в двойной системе ценностей – государственной советской идеологии и домашней религиозной морали, в вопросе воспитания собственных детей обошлись без категоричного настаивания на соблюдении теми церковных норм и практик.

В церкви мы не умели себя вести, не понимали много (В. И. С., 1965 г. р.). Папа заходил в храм Сорока Мучеников, свечечки ставил всегда... И, конечно, он вздыхал, видя мою жизнь, и брата (Е. В. Ц., 1965 г. р.).

Школа и средства массовой информации способствовали размыванию религиозного сознания

у молодежи. Чем ближе подходила дата Пасхи, тем больше появлялось заметок в газете «Печорская правда» о вреде религиозных праздников, антинаучной сущности библейских текстов, негигиеничном обычаях целования икон, способствующем распространению инфекции, и т. д. На школьных уроках и в сельских клубах проводились беседы на темы «Почему плачут иконы», «Чудеса без чудес» и т. д.¹⁶ Чтобы отвлечь молодежь от посещения церкви в дни больших церковных праздников, в Печорах устраивались яркие зрелищные мероприятия. Такое повышенное внимание к церковной тематике разжигало детское любопытство: «*Я помню, вот мы в школе, вот Пасха, нам интересно вот просто, просто узнать, что же там делается*» (Т. Н. К., русская, 1953 г. р., д. Верхний Крупск). С постепенной утратой понимания сути церковной жизни у поколения 1960-х годов рождения оставалось восприятие церкви как важной составляющей местной культуры, традиции.

И вот когда младший сын женился, они венчались, я стояла сзади и смотрю, что Витя как-то ничего не соображает, ничего не понимает... Вот в этом моя тоже вина. Я их не приучила (В. А. Д., русская, 1941 г. р., Изборск). Мы ходили на Пасху, как на, прости Господи... Умудрялись сначала в ресторане посидеть, а потом уже смотреть веселее (Е. В. Ц., русская, 1965 г. р., Печоры).

Ситуация начала меняться в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с трансформацией государственно-конфессиональных отношений. В 1990 году вышел закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», который разрешил факультативное изучение религии в общеобразовательных учебных заведениях. В этот период чрезвычайно активизировалась миссионерско-катехизаторская деятельность Псково-Печерского монастыря. «*И в монастыре так эти, я так считаю, что заманивали как-то, привлекали как-то детей, молодежь*» (Т. Н. К., русская, 1954 г. р., Печоры). В Печорах были созданы воскресная школа, детско-юношеский хор, иконописный класс, начались факультативные занятия по основам православной культуры в детских садах, школах и среди взрослого населения. В наступившую для людей советской формации эпоху духовно-нравственных исканий печорянам была предложена уже хорошо разработанная и знакомая с детства модель православной идентичности. Представители иных конфессий (лютеране, баптисты, евангельские христиане, мусульмане) и атеисты, проживающие в Печорском районе, оказались также включены в локальную «монастырскую» культуру, в которой Псково-Печерская обитель является историческим, духовным, эстетическим, воспитательным центром, источником финансирования и гарантом успешного туристического бизнеса района. В сельской округе, удаленной от монастыря, роль духовно-воспитательного центра играл приходской храм, и здесь многое зависело

от личной инициативы и харизмы священника. В целом в конце 1980-х – начале 1990-х годов заметно активизировалась местная церковная жизнь и значительно повысился уровень образования населения в сфере православной доктрины.

Именно религия являлась одним из основных маркеров локальной идентичности местных жителей, четко отличавших себя от приезжих атеистов в советский период. В сознании местного населения существовали две мировоззренческие системы: одна была основана на традиции, прочно связанной с церковной культурой, другая – привнесена новой властью, пропагандировавшей философию научного атеизма. Эту ситуационную двойственность сознания хорошо иллюстрирует приведенный выше пример – реакция населения на попытку запрета колокольного звона в 1960-х годах: запротоколированные выступления свидетельствуют о высказывании большинства – «за», устные свидетельства – «против». Для представителей поколения 1920–1930-х годов рождения церковно-приходская жизнь продолжала существовать без видимых изменений; поколение 1940–1950-х годов рождения совмещало религиозное мировоззрение с этическими установками коммунистической идеологии, результаты процесса размывания религиозного сознания наблюдаются у поколения шестидесятников. Отсутствие целостной системы религиозного воспитания, антире-

лигиозная позиция школы советского образца и средств массовой информации постепенно приводили к утрачиванию понимания сути церковной жизни печорянами, рожденными в СССР; однако храм по-прежнему оставался для них важной культурной доминантой, символом локальной идентичности и связи поколений. Неизменным оставалось представление о необходимости крещения детей, отпевания умерших, соблюдении исповеди и причастия, посещении церквей и монастыря во время праздников и в дни поминования усопших. Частично сохранялась традиция религиозного воспитания в семьях, но передача религиозного опыта носила бессистемный характер. В целом можно говорить о сохранении религиозности на «пассивном» уровне. Внешним проявлением изменений, происходящих в общественном сознании, являлась сравнительная редкость и нерегулярность посещения храма взрослым населением в период гражданской активности, внутренним – редукция представлений о необходимости соблюдения религиозных практик вне церковного пространства (постов, домашней молитвы). Факт наличия действующих, никогда не закрывавшихся храмов и Псково-Печерского монастыря не давал угаснуть церковной традиции, а изменения в конфессиональной политике государства в 1980-е годы привели к повышению уровня религиозного самосознания населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Псковской области, Государственный архив новейшей истории Псковской области.

² Сету (сето) – финно-угорская общность, проживающая в Печорском районе Псковской области и в юго-восточной Эстонии. Сету говорят на языке, близком южно-эстонскому диалекту, исповедуют православие.

³ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. Преображенский храм в д. Колпино был закрыт в 1961 году, действует вновь с 1990 года.

⁴ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 285. Л. 5.

⁵ Часть православных приходов Эстонии подчинялась Константинопольскому патриархату (митрополит Александр Паулус), а часть – Московскому (экзарх Прибалтики митрополит Сергий Воскресенский). Официальное присоединение Эстонской Апостольской церкви к Русской православной церкви Московского патриархата произошло в 1941 году. После занятия Эстонии немецкими войсками митрополит Александр Паулус заявил о повторном переходе в юрисдикцию Константинопольского патриархата. В 1944 году произошло окончательное присоединение православных приходов Эстонии к РПЦ. Параллельно продолжала существовать ЭАПЦ в эмиграции.

⁶ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 185. Л. 28.

⁷ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 18, 30, 88, 102 и др.

⁸ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 47.

⁹ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120.

¹⁰ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 11.

¹¹ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 6.

¹² ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

¹³ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 23.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 3.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

¹⁶ ГАНИПО. Ф. 2629. Оп. 5. Д. 10. Л. 41. Д. 16. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архимандрит Тихон (Секретарев). Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007. 800 с.
2. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское восстоковедение, 2005. 416 с.
3. Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследований. Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и русская народная культура» // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60–84.
4. Громыко М. М. Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божьей // Православная жизнь русских крестьян в XIX–XX веках. Итоги этнографических исследований / Ред. кол.: Т. А. Листова, С. В. Кузнецов, Х. В. Поплавская. М.: Наука, 2001. С. 202–228.

5. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар, 2012. 306 с.
6. Молодов О. Б. О запрете колокольного звона в Архангельской области в 1950–1980-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3. (40) Т. 1. С. 18–21.
7. Новожилов А. Г. Население Псково-Печерского края как этнолокальная группа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. № 3. С. 94–110.
8. Попеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 1996. 403 с.
9. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. 368 с.
10. Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии: Сб ст. / Под ред. Ж. В. Корминоой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: ЕУСПБ, 2006. 304 с.
11. Форум: антропология религии (1–2) // Антропологический форум. 2017. № 34–35. С. 11–124, 11–128.
12. Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской церкви на северо-западе России. 1917–1945. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 381 с.
13. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 480 с.
14. King P. E. Religion and identity: the role of ideological, social and spiritual contexts // Applied Development Science. 2003. Vol. 7. No 3. P. 197–204.
15. Schäfer H. W. Religiöse Identität – ein Netzwerk von Dispositionen // Politik und Religion. Religiöse Identitäten in politischen Konflikten. Herausgeber: I.-J. Werkner, O. Hidalgo (Hrsg.). Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 15–24. DOI: 10.1007/978-3-658-11793-1_2.

Kalinina O. V., Russian museum of ethnography (St. Petersburg, Russian Federation)

RELIGIOUS IDENTITY OF THE POPULATION OF PECHORY DISTRICT IN PSKOV REGION DURING SOVIET TIMES

The article is concerned with the religious identity of the population in Pechory district of Pskov region after the World War II (1954–1991). The purpose of the research is to characterize and analyze the transformation of traditional religious consciousness. The transformation was expressed through orthodox practices. The object of the study is a local community consisting of the Russian and Finno-Ugric population. The community was not covered by the Soviet model of secularization. During the Soviet period, the citizens of Pechorsky District were the keepers of continuous ecclesiastical traditions, which were based on the activity of Pskovo-Pechersky Monastery and 14 churches of the region. Religious practices of the community coexisted with the discourse of the Communist regime. Less frequent and more occasional attendance of the church, reduction of religious practices signified of the changes happening among parishioners. During the Soviet times, religion was one of the main markers of the local community's identity by which it separated itself from the coming atheists.

Кew words: religious identity, Pechory district, Orthodoxy, Pskovo-Pechersky Monastery, parish life, atheistic propaganda

REFERENCES

1. Arkhimandrit Tikhon (Secretary). The gates of heaven. History of Pskovo-Pechersky Dormition monastery. Pechory, Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr' Publ., 2007. 800 p. (In Russ.)
2. Berntshtam T. A. Parish life of the Russian countryside: Essays on church ethnography. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2005. 416 p. (In Russ.)
3. Gromyko M. M., Kuznetsov S. V., Buganov A. V. Orthodoxy in Russian national culture: research direction. The program of collecting field ethnographic material on the topic "Orthodoxy and Russian national culture. Etnograficheskoe obozrenie. 1993. No 6. P. 60–84. (In Russ.)
4. Gromyko M. M. Repentance in people's life. The concept of sin and God's punishment. *Orthodox life of Russian peasants in the 19th–20th centuries. Results of ethnographic research*. Eds.: T. A. Listova, S. V. Kuznetsov, H. V. Poplavskaya. Moscow, Nauka Publ., 2001. P. 202–228. (In Russ.)
5. Krylov A. N. Religious Identity. Individual and collective assertiveness in the post-industrial space. Moscow, Ikar Publ., 2012. 306 p. (In Russ.)
6. Mолодов О. Б. About the prohibition of bell-ringing in Arkhangelsk region in the 1950s-1980s. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No 3 (40). Vol. 1. P. 18–21. (In Russ.)
7. Novozhilov A. G. The population of Pskov-Pechersky region as ethnolocal group. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2009. Series 2. History. No 3. P. 94–110. (In Russ.)
8. Попеловский Д. The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy Institut sv. apostola Andreya Publ., 1996. 403 p. (In Russ.)
9. Parish and community in contemporary Orthodoxy: the root system of Russian religiosity. Eds.: A. Agadzhanyan, K. Russele. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. 368 p. (In Russ.)
10. Dreams of the Mother of God. Studies in Anthropology of Religion. Eds.: Zh. V. Kormina, A. A. Panchenko, S. A. Shtyrkov. St. Petersburg, EUSPb., 2006. 304 p. (In Russ.)
11. Forum: anthropology of religion (1–2). *Antropologicheskiy forum*. No 34–35. P. 11–124, 11–128. (In Russ.)
12. Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. History of Evangelical Lutheran Church in North-West Russia. 1917–1945. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004. 381 p. (In Russ.)
13. Шкаровский М. В. Russian Orthodox Church in the 20th century. Moscow, Veche, Lepta Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)
14. King P. E. Religion and identity: the role of ideological, social and spiritual contexts // Applied Development Science. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 197–204.
15. Schäfer H. W. Religiöse Identität – ein Netzwerk von Dispositionen // Politik und Religion. Religiöse Identitäten in politischen Konflikten. Herausgeber: I.-J. Werkner, O. Hidalgo (Hrsg.). Wiesbaden: Springer VS, 2016. S. 15–24. DOI 10.1007/978-3-658-11793-1_2.

Поступила в редакцию 01.11.2017